Михайло Ильич (Данило Игнатьевич)

Що во стольнём было во городи да во Киеви
Да у ласкова князя у Владимёра
Заводилось пированьицё, почесьён пир
Да про тех же богатырей могуцих-е,
Да про тех полениц да приудалых-е,
А про тех же купцей-гостей торговых же,
Да про всех-то хресьянушок прожитосьних.
Да и все на пиру да напиваюцьсэ,
Да и все на цесном да наедалисе —
А и все на пиру да приросхвастались:
А и глупой-от хвастаёт родной сёстрой,
Неразумной-от хвастат да молодой жоной,
Да и умной похвастал старой матушкой.
Князь Владимёр по горёнки похаживат —
А козловы сапоги да принаскрыпывают,
А серебряными латами да принабрякиват,
Да злачеными перснеми да принашшалкиват,
Ишше сам таки реци да выговариват:
«Уж вы сильни-могуци да все богатыри,
Уж вы те же купци-гости торговые,
Уж вы все же хресьянушки прожитосьни!
Уж вы все у нас в городи нонь поженёны,
И красны девушки все взамуж повыданы —
Один я, князь Владимер, как холост хожу,
Я холост-от хожу, да нежонат слову!..
Вы не знаете ле мне да хто обручници:
Щобы ростом велика да как лицём бела,
У ей черны-ти брови — да два как соболя,
У ей ясны-ти оци — два как ясны сокола,
Да походоцька у ей была — павиная,
Тиха рець у ей была бы — да лебединая,
Да статным бы она статнёшенька?..»
И‹з›-за той же скамейки да белодубовой
Выставал тут Добрынюшка Микитиц-свет.
Он и сам говорыл да таково слово:

«Уж ты ой, князь Владимёр да стольне-киевской!
Ты позволь мне тако да слово молвити:
Не моги миня за слово скоро казнить,
Ты скоро миня казнить, скоро павесити!..»
Говорит князь Владимёр да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиц-свет!
Говори-тко, Добрыня, що тебе надобно». —
«Що и есь во цистом поле глубок подгрёб,
Засажон тут Дунаюшко Иванович,
Он и ездил, Дунаюшко, по всей земли,
Не можно ле ёго выпустить на белой свет?
Да не знат ле он тебе супротивници?..»
Говорит тут князь Владимер да стольне-киевской:
«Поежжай-ко, Добрынюш[к]а Микитиц-свет,
Ты вези-тко Дунаюшка Ивановица».
Тут поехал Добрынюшка Микитиц-свет
А за тем же за Дунаём за Ивановицём,
Он привёз его ко князю да ко Владимёру.
Он садил его да за обраной стол,
Подавал ему цару да зелена вина,
Он и сам у Дунаюшка выспрашивал:
«Ты не знашь ле мне да как обручницы:
Щобы ростом велику да мне лицём белу,
И черны-ти брови у ей — да два как соболя,
А ясны-ти оци — да как два сокола,
А походоцька у ей была бы — павиная,
Тиха рець бы у ей была — лебединая,
А статным бы статна она, статнёшенька?..»
Воспроговорит Дунай да сын Иванович:
«Уж ты ой, князь Владимёр да стольне-киевской!
Ты позволь мне тако же да слово молвити,
Не моги меня за слово скоро казнить,
И скоро меня казнить, скоро повесити!..
Есь во далечом-далечём, да во цистом поли
Там стоял же шатёр да бел полоттянной,
Там живёт во шатри Михайло Ильиц-от свет,
У ёго есь молода жона да Василиста Викулисьня:
Она ростом велика да и лицём бела,
У ей черны-ти брови — два как соболя.

У ей ясны-ти оци — два как сокола,
Да походоцька у ей была — павиная,
Тиха рець же у ей — да лебединая!»
Тут проговорит князь Владимёр да стольне-киевской:
«Уж ты ой есь, Дунай да свет Ивановиць!
Уж ты как же у жива мужа хошь жону отнеть?..»
Воспроговорит Дунай да сын Ивановиць:
«Уж ты ой, князь Владимёр да стольне-киевской!
Созовём мы ёго да на поцесьён пир,
Напоим мы вином ёго допьяна,
И он же жоной да приросхвастаицсе;
Мы тогда на ёго накинём службу цяжолую:
Мы отправим ёго да во цисто полё
За лютым-то зверышшом да за Буянишшом!..»
Согласилсэ Владимер да стольне-киевской
А на те же на реци да Дунаёвы:
Отправлял тут Дунаюшка Ивановица,
Отправлял же ёго да во цисто полё
А за тем же Михайлом Ильицём же свет.
Тут приехал Дунаюшко ко белу шатру,
Заходил тут Дунаюшко во белой шатёр,
Тут кланялса Дунаюшко низёхонько:
«Ты по имени Михаило Ильич же свет!
Тибя звал-поцитал князь Владимёр на поцесьён пир».
Тут и стал же Михайло срежацьсе на поцесьён пир:
Омываицьсе свежой водой ключа́вою,
Обтираицьсе тонким белым полотеньцём же.
Отправлят ёго, Михайла, молода жона,
И сама же ёму да наговарыват:
«Ты поедёшь, Михайло, на поцесьён пир —
Ты не пей зелена вина допьяна,
Ты не хвастай же, Михайло, мной ведь там;
Если ты будёшь хвастать — живому не быть!»
Тут поехал Михайло на поцесьён пир
И к тому же ко князю да ко Владимёру.
Тут приехали ко князю да ко Владимёру —
Тут выходит ведь князь да на белы сени,
Он берёт же ёго за руку за́ праву,
Он садит же ёго да за дубовой стол,

Отдават же ёму да три ведь местицька:
«Ишше перво-то местицько — по‹д›ле́-т князя,
А ишше второ-то местицько — супротив князя,
А ишше третьё-то местицько — куды сам похошь!»
Тут садилса Михайло супротив князя.
Наливал ёму князь Владимёр цяру зелена вина,
Подносил тут Михайлу Ильицю же свет,
И сам говорил ёму таковы слова:
«Уж ты пей-ко, Михайло, цару всю до дна!»
Уж выпил Михайло цару всю до дна —
Тут стал же Михайло весь пьян ставать
И тут же жоной да приросхвасталсе:
«Есь у мня ведь дома да молода жона,
Що негде такой красавицы не обышшицьсэ!»
Говорыл князь Владимёр таковы слова:
«Уж ты ой еси, Михайло Ильиц ты свет!
Я накину на тебя службу не малую,
А не малую служобку, не великую:
Тебе съездить, Михайлу, во цисто полё
За тем же за лютым зверём кабанишшом
И везти тебе люта зверя кабанишша ко мне;
Мы тогда ведь уж съездим да за твоёй молодой жоной,
И тогда у нас поведецце пированьё-столованьё немало же!..»
Ишше тут же Михайло закручинилсэ,
Он пове[си]л свою буйну головоцьку:
«Говорила мне ведь молода жона,
Що по имени Василиста да доць Викулисьня;
Не велела мне-ка пить да зелена вина, —
Не послушал я свою молоду жону!..»
Тут поехал Михайло во цисто полё.
Тут выходит Василиста да на красно крыльцё
И видит: Михайло едёт не по-старому,
Не по-старому едёт да не по-прежному —
Он повесил свою буйну головоцьку,
Потопя же оци ясны да в мать сыру землю.
Говорила Василиста да доць Викулисьня:
«Уж ты що же, Михайло, запечалилсэ,
Запечалилсэ, Михайло, закручинилсэ?»
Отвецял тут Михало молодой жоны:

«Уж ты ой еси, моя да молода жона,
Ты по имени Василиста да доць Викулисьня!
Приказал мне князь съездить да во цисто полё
А за тем же лютым зверём кабанишшом;
Я слыхом не слыхал про ёго и видом не видал;
Уж я где буду брать люта зверя кабанишша,
Уж я как буду имать ёго во белы руки?»
Говорила ёму своя молода жона:
«Я даю тибе скакунка; спусти — и он о́бскацёт;
Я даю ревунка — да он ведь обревёт,
Я даю тибе товда да как шолков арган.
Ты тогда подходи да посмеле к ёму,
Ты вяжи-ко-се ёго да на шолков арган, —
Ты веди ёго ко князю да ко Владимёру!
Ты тогда не вались с им некуды же спать:
Если ты повалиссе — тибе живому не быть!»
Тут поехал Михайло во цисто полё
За тем же лютым зверём кабанишшом
И завидял люта зверя во цистом поли.
Он и тут же весьма да приужакнулса.
Он спускал скакунка — да скакун обскоцил;
Он спустил ревунка — да ревун обревел.
И тогда люто зверишшо ослушалось.
Соходил тут Михайло со добра коня,
Подходил же к люту зверю кабанишшу,
Он вязал же ёго да на шелков арган —
Он отправилса ко князю да ко Владимёру.
Накатилась на ёго да сон-дрёмотоцка —
Повалилсэ он да отдохнуть на цяс.
Тут наехал Дунай да сын Ивановиц
И срубил у Михайла буйну голову...
Он и брал же люта зверя кабанишша —
Он поехал ко князю да ко Владимёру
Он с тем же лютым зверём кабанишшом.
Тут стрецял же князь Владимёр да стольне-киевской
И того же Дуная да со лютым зверём.
Говорил тут Дунай да таковы слова:
«Уж ты ой, князь Владимёр да стольно-киевской!
Теперь смело поежжай да во цисто полё

И за той же за Ва[си]листой да за Викулисьней:
И теперь у ей мужа да как живого нет, —
И пойдёт же она да за тебя взамуж!»
Отправлял тут Дуная да во цисто полё
И за той же за Ва[си]листой за Викулисьней,
Ей омманывал Дунай да сын Ивановиць:
«Ты поедём, Василиста, да ко Владимёру, —
Приежжал тут Михайло из циста поля
И с тем же лютым зверём кабанишшом!»
Засрежалась тут Василиста да на поцесьён пир
И к тому же ко князю да ко Владимёру;
Снарежаицсэ она да потихошенько, —
Отправлялась с Дунаём да ко Владимёру.
Приежжала ко князю да к широку двору —
Выходил тут ведь князь да на красно крыльцё,
Он стрецял Василисту да доць Викулисьну,
Он и брал ведь ей да под белы руки,
Он и вёл ведь ею да в грыню светлую.
И весьма же ёму да тут пондравилась:
Он садил же ведь ей да за дубовой стол,
Угошшал ей напитками рознализьныма,
А кормил ей ведь есвами сахарныма
И сам ей говорыл да таковы слова:
«Уж ты ой еси, Василиста да доць Викулисьня!
И я, князь Владимёр, как холост живу,
Я холост же живу да нежонат слову;
Ты нонь Васи[ли]ста — да молода вдова,
Ты не йдёшь ле ноньце да за меня взамуж?
И нету у тя Михайла живого же:
И зашиб ёго люто зверишшо кабанишшо!»
Воспроговорит Василиста тут таковы реци:
«Не поверю я словам да етим вашим же!
Вы свозите-ко меня да во цисто полё
А к тому же вы к телу Михайлову —
Я увижу сама да как своим глазом,
Как ёго-то живого-то нет, я узнаю сама —
Я тогда же иду да за тебя взамуж!...»
Повезли Василисту да во цисто полё
И к тому же ведь к телу Михайлову.

Приежжала Василиста да во цисто полё
Да увидяла тело своёго мужа...
Она втыкала тут ножицёк в мать сыру землю,
Она тот же ведь ножицёк булатной же,
И булатной ведь ножицёк, укладной же,
И сама говорила да таковы реци:
«’Де потухла зоря да ноньце утрянна —
И потухай тут зорюшка нонь вецерьняя!»
Она падала белой грудью на булатной нож —
Придала себе Василиста да смёртку скорую.

(Зап. А. Д. Григорьевым 22 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Маку́риной Агриппины (нар. Огрофены или Огрофёны) Васильевны, 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.